

Маруана Хамзақызы

ВЫЖИТЬ ВОПРЕКИ

Документальное повествование, написанное художественным языком, – книга «Выжить вопреки. История одного казаха» Маруаны Хамзақызы рассказывает о нелёгкой судьбе Хамзы Алимова, пережившего голодомор и застенки сталинских лагерей и реабилитированного лишь спустя более пяти десятилетий. Стойкость, несгибаемая воля, стремление выжить вопреки всем бедам во имя того, чтобы остаться Человеком, пройдя все круги ада, и оставить свой след на земле, – вот образец, который даёт читателю главный герой повествования, проживший достойную жизнь. В издание вошли рассказы разных лет, автор по крупицам воссоздала мозаику трагических событий и через историю жизни своего отца сумела показать страшные бедствия, постигшие казахский народ в XX веке. Книга полностью публикуется издательством «Abai baspasy» в 2022 году. Редакция журнала предлагает фрагменты из этой книги.

АМАНАТ

К труду отец приучал нас сызмальства, всячески мотивируя и поощряя. Ему удавалось сделать увлекательной даже самую тяжелую работу. На все случаи жизни у него были припасены пословицы и поговорки. «Бір адамның істегенін екінші адам да істей алады. Сделанное одним человеком в силах повторить каждый» – любил приговаривать он. И мы верили, глядя на то, как наш папа тщательно, аккуратно, но в то же время играючи выполнял любую работу.

В те времена суконный комбинат, на котором трудились родители, ежегодно выделял работникам под огород участок земли высоко в горах или на окраине поселка. Рабочие с энтузиазмом сажали на своих наделах картошку, кукурузу и другие овощи. Для нашей многодетной семьи это было хорошим подспорьем.

В горах, где осадки выпадали чаще, нам не приходилось биться в очереди за полив, как на низинных участках, да и земля там была более плодородной. Это являлось значимым преимуществом, хотя посадка, прополка, окучивание и сбор урожая той же картошки требовали много сил и времени, к тому же нужно было еще и со своим инвентарем добираться до самого участка.

Чтобы мы как можно раньше приучались добывать свой хлеб, папа брал и нас с собой. И каждый раз это было целым приключением. Я была еще подростком, когда папа взял меня с собой в горы на прополку огорода.

Это был обычный летний день, но он запомнился мне на всю жизнь. То ли никто из братьев и сестер не пожелал присоединиться к нам, то ли папа решил побыть наедине со мной, точно не знаю. Но еще до рассвета, тихо протиснувшись среди спящих детей, он разбудил меня одну. Переговариваясь шепотом, будто заговорщики, мы быстро собрались в дорогу. «В горах не найти укрытия от зноя. Как поднимется солнце, работать будет тяжело», – пояснил мне папа причину нашего раннего подъема.

Легкий ветерок, дующий с гор, колышет верхушки высоких тополей. Утренняя прохлада заметно холодит тело, меня невольно бросает в дрожь. Свежо, поселок в глубокой дреме, я поеживаюсь, сожалея о прерванном сне. Папа чутко улавливает мое состояние, нежно гладит меня по голове, что вообще-то несвойственно его суровой натуре.

Видимо, чтобы я проснулась окончательно, папа всю дорогу развлекает меня рассказами обо всем, что встречается нам на пути. Мне кажется, что знания папы безграничны: он знает название каждой ложбинки, каждого камешка, а о свойствах цветов и трав рассказывает так увлекательно, словно это сказка. Вот с тропы, прямо из-под ног, вспорхнула птичка и задорно запела: чив-чив-чив. Папа хитро улыбается: «Знаешь, балам, что пропела тебе эта птаха?» Я отрицательно качаю головой. «Она поет: “Чуть-чуть три рубля не потеряла!”» Я киваю, и мы смеемся. Папа рад, что развеселил меня. У папы был очень красивый, залиvistый смех, но, к сожалению, смеялся он крайне редко.

Как бы ни старался папа, идти вверх по ущелью вовсе не легко, и я начинаю уставать. Это не ускользает от зорких глаз папы. «Потерпи, осталось совсем немного до родника, вот там и отдохнем!» – говорит он мне. И действительно, вскоре мы оказываемся у ключа, бьющего из-под земли. Удивительно, возле родника распустился сказочный цветник из живых бабочек! Такого многоцветья крылатых мне не доводилось встречать еще ни разу. У кромки прозрачной воды бабочки поочередно взлетали и садились, подрагивая легкими крылышками. Это было завораживающее, воистину волшебное зрелище!

Я кинулась было к воде, но папа мягко удержал меня: «Балам, отдышись, пей медленно, маленькими глотками!» Я постаралась последовать его совету, и все же от студеной родниковой воды враз заломило зубы. После небольшой передышки мы снова тронулись в путь.

На горном плато, куда мы вскоре поднялись, взору открылась совершенно фантастическая картина. Мы пробиваемся сквозь непролазные кущи цветов и душистых трав, высящихся выше нашего роста. Без устали стрекочут кузнечики, заливаются жаворонок над головой, в густой траве перекликаются кеклики – каменные куропатки. Здесь кипит совершенно иная жизнь: шумная, буйная – настоящий праздник!

Солнце уже было достаточно высоко, поэтому мы с папой без промедления принялись за дело. Работа спорилась, управились мы довольно-таки быстро.

Из-за усталости или по иной причине, но на обратном пути папа всё больше молчал. Когда мы оказались у ручья, папа обратился ко мне: «Балам, присядь рядом, нам нужно поговорить». Речь папы всегда была четкой, ясной, он умел доносить свои мысли легко, доходчиво. Но на этот раз папа показался мне взволнованным, он никак не решался приступить к разговору.

После некоторого молчания папа все же заговорил:

– Балам, многое повидал я в своей жизни. К великому моему сожалению, больше плохого, нежели хорошего. Но, видимо, так было предначертано судьбой мне Свыше. Об одном неустанно молю я Небо: не приведи Аллах увидеть вам даже малую толику того, что довелось испытать мне... Из всей семьи Алима лишь одному мне удалось выжить. Это было и даром, и испытанием Всевышнего... Я выжил, несмотря ни на что. И понял, что моя миссия на земле – продолжит свой род, вырастить достойное потомство. Хвала Аллаху, у меня есть вы!.. В жизни в чем-то я преуспел, а в чем-то нет... Ни о чем не жалею. Природа щедро одарила меня талантами, но так сложилась моя судьба, не смог я реализовать их сполна...

После некоторого молчания папа продолжил:

– Из всех моих детей ты больше всех похожа на меня. Я верю в тебя, ты в силах добиться многого! И я хочу, чтобы люди узнали о моей судьбе, о том, что пришлось пережить моему поколению, моему народу. Все, что я пережил за свою нелегкую жизнь, не должно повториться больше никогда! Это мой аманат – завет тебе, балам! Если сможешь, донеси до потомков историю моей жизни, историю моего многострадального народа...

Родители сделали все, и даже больше, чтобы дать нам хорошее воспитание и образование, земной им поклон за это! Но, увы, раннее замужество, жизненные дразги и бытовые проблемы не дали мне своевременно, еще при жизни отца, выполнить его аманат...

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Пока я собирала материалы для книги воспоминаний, мне приходилось сталкиваться с различными ситуациями: и удивительными, и печальными. Вначале казалось, что написать книгу не составит мне большого труда. Но как же я ошибалась! В ходе работы над книгой не раз я была на грани срыва, не раз мне хотелось бросить все и бежать прочь. Бежать от разочарований, от людской низости. Временами, не скрою, надолго забрасывала работу, прекращала поиски сведений. Меня захлестывали злость, досада. Не только на людей – на себя. Ну почему, почему я не расспрашивала папу подробнее о его нелегкой судьбе, почему слушала его рассказы вполуха?!

Собрав кое-какие сведения, я поняла, что знать и слышать о мытарствах родного человека, пережившего такое, что хватило бы и на сотню с лихвой, и перенести все это на бумагу, оформить в связный материал – совершенно разные вещи. Было трудно. Пропуская через себя судьбу папы, я часто не справлялась со своими эмоциями. Но затем брала себя в руки. «Ты – дочь Хамзы, ты справишься!» – говорила я себе и, преодолевая боль, вновь бралась за работу...

...Самое удивительное событие произошло со мной 8 февраля 2006 года. Неустанные поиски истины привели-таки меня в архив Комитета национальной безопасности. (После распада Союза все уголовные дела были выданы бывшим союзным республикам.) Сильно волнуясь, словно мне предстоит очное свидание с папой, в указанное в повестке время я вошла в кабинет КНБ. Сотрудница де-

партамента встретила приветливо. После коротких расспросов она вручила мне в руки личное дело отца, указав на страницы, с которыми мне разрешено было ознакомиться.

– Мы посмотрели заранее документы и, честно сказать, были крайне удивлены. Получается, по большому счету, свои лучшие годы ваш отец провел в заключении из-за того, что любил казахские песни? – говорит она с нескрываемым сочувствием.

Я молча киваю головой. Едва сдерживая нахлынувшие чувства, заново в блокнот разрешенные сведения с пожелтевших страниц. И в какой-то момент, не выдержав, начинаю плакать навзрыд.

Сотрудница растерянно разводит руками:

– Что случилось, что с Вами?

Слезы застилают глаза, не в силах произнести ни слова, указываю на запись: «Осужден Военным трибуналом НКВД Армянской ССР 08.02.43 г.».

Сотрудница комитета, не сразу сообразив, в чем дело, затем воскликнула:

– Надо же! Ведь сегодня восьмое февраля!

И можно ли считать случайностью, что в тот самый день, когда папе был вынесен приговор, спустя ровно 63 года, день в день, его личное дело оказалось в моих руках?!

Спустя какое-то время на мой адрес пришло письмо из прокуратуры. В письме была вложена справка о реабилитации папы в соответствии с заключением прокуратуры Алматинской области от 30 сентября 1999 года согласно статье 5 Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» и об отмене приговора военного трибунала НКВД от 8 февраля 1943 года.

Чувство горечи жгло грудь огнем. Как жаль, что весть о признании отца жертвой политических репрессий, весть об оправдании, которую папа прождал всю свою жизнь, пришла с таким опозданием...

ОСУЖДЕННЫЙ

...Едва наш папа, пережив голод и другие невыносимые тяготы, вернулся к нормальной жизни, как судьба подбросила ему новые, еще более суровые испытания...

Началась война, папу по возрасту призвали в армию. А в феврале 1943 года Военный трибунал НКВД осудил отца по ложному обвинению по второму пункту 58-й, «политической», статьи Уголовного кодекса.

Этот пункт гласил: «Вооруженное восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Как писал в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицын, в те годы в ходу был анекдот: «– За что сидишь? – Да ни за что! – Неправда! Ни за что дают десять лет! А у тебя пятнадцать!»

Отец был призван в армию 21 мая 1942 года и направлен в пограничные войска НКВД города Ленинакана Армянской ССР. Затем его перевели в погранотряд города Еревана. Через какое-то время он был направлен на учебу в школу снайперов, а дальнейшую службу провел на заставе № 15. За время службы в Ереванском погранотряде ему дважды объявляли благодарность за отличную службу (это сведения из архивного личного дела папы).

Служа на заставе, отец встретился с бойцом С. М. из Кызылорды и, как он считал, крепко подружился со своим земляком (из этических соображений не указываю его имя). Папе было совсем невдомек, что каждое его слово, каждое высказывание переиначиваются его новым «другом» и совсем скоро превратятся в тома обвинений...

Глубокой ноябрьской ночью 1942 года резкий толчок разбудил отца. Он бросился к пирамиде, куда была приставлена его винтовка. Раздался резкий окрик: «Отставить!» Тут же завели руки за спину и вывели на улицу, где уже ждал «черный ворон» с выключенными фарами. Машина без остановок доставила отца напрямик в тюрьму НКВД города Еревана.

Допрос проводили в одном из подвальных помещений. За столом пресловутая «тройка»: справа – молодая женщина, писарь, слева – следователь, а в середине сидел майор, от ледящего душу пронзительного взгляда которого продирало по коже морозом. Перед следователями высились кипы бумаг.

После установления личности начали зачитывать обвинение. Все, чем отец делился со своим другом, все приобрело совершенно иной окрас! «Поет только казахские народные песни», «встречаются и песни врагов народа», «националист» и прочая, и прочая... В глазах потемнело, подкосились ноги. Следователи не дали одуматься, грубо сунули бумаги под нос: «Ознакомьтесь, подпишите!» Все заранее подготовлено: «националист», «пораженческие настроения...» «может перебежать в Турцию» (отец горько заметил: «Кто бы меня там ждал!»). В общем, отец оказался «особо опасным преступником»...

Сразу же огласили приговор: «Лишение свободы на 10 лет, с поражением в политических правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего принадлежащего ему имущества».

Женщина запричитала:

– Он же такой молодой, отправьте его на передовую, пусть своей кровью смоев вину!

– Отставить! Таким, как он, нет пощады! – заорал майор.

* * *

После оглашения приговора отца срочно доставили в Баку, откуда на пароме переправили на другой берег Каспия. Там, вместе с другими заключенными, погрузили в «вагонзак» – вагон для заключенных с заколоченными окнами и этапом отправили напрямик в Сибирь.

Вот так в свои 19 лет папа оказался политзаключенным. Человека, который строчил на него доносы, отец встретил в Саратовской пересыльной тюрьме. «Эх, Хамза! Одна у нас теперь дорога – итжеккен!! Прости, грешен я перед тобою! Думал спасти свою шкуру... Вряд ли мы выживем в этой мясорубке и встретимся

¹ Итжеккен – так называли казахи Сибирь. Буквально: Итжеккен – край, где ездят на собаках (где собак запрягают в сани).

с тобой еще раз. Прости и... прощай!» – повинился недавний друг, который был осужден военным трибуналом на 20 лет лишения свободы.

– Отправь меня тогда на фронт, может, погиб бы я от вражеской пули.... Наверное, Аллах сберег меня, чтобы я оставил на земле потомство и продолжил свой род! – словно оправдывая такое решение судьбы, говорил нам папа.

Оговорившему отца человеку не суждено было вернуться на Родину, он умер на чужбине, в суровой Сибири.

ИТЖЕККЕН

Из рассказов отца

Из тщательно охраняемых лагерей Воркутлага мог бежать только совершенно отчаявшийся человек, готовый встретиться лицом к лицу со смертью. Преодолев колючую проволоку, охрану, сторожевых псов, он попадал в глухую тайгу, непролазные чащобы, где нет ни единой живой души на многие и многие километры.

Летом, помимо комаров, донимал гнус. Эта мелкая, вредоносная тварь забиралась даже сквозь москитную сетку и могла изъесть человеческую плоть до самых костей. По весне или осенью беглый мог увязнуть насмерть в непролазных зыбучих болотах и топях. Зимой лютой сибирский мороз не оставлял беглецу ни единого шанса на выживание.

Были и такие, что ударялись в бега по первому заморозку, в таких случаях лагерное начальство пускало по следу местных жителей, потомственных охотников и следопытов – коми и эвенов. Их услуги оплачивались деньгами, продовольствием и спиртом.

В Сибири даже людям, живущим на свободе, приходилось очень тяжело. А заключенным и подавно. В холода осужденные до утра обогревали барак, топили железную печь. Иначе помещение промерзало настолько, что иные из бедолаг поутру уже не просыпались. В лагере вместе с политзаключенными находились и ворье, головорезы, убийцы, осужденные за тяжкие криминальные преступления. Лагерное руководство им покровительствовало – их считали «идеологически близкими», а осужденных по политическим статьям всячески унижали, называя «предателями», «идеологически чуждыми элементами».

Уголовники верховодили в каждом бараке: они занимали места теплее, ближе к печи, ели сытнее, выполняли более легкую работу. Им же разрешали получать письма, посылки из дома. Политические теснились по холодным углам, жили впроголодь, выполняли самую тяжелую работу.

В забое политические, не разгибая спины, по двенадцать часов загружали лопатами уголь в вагонетки. Закон суров: хоть помри, но дневную норму выполни! Даже вечная мерзлота подтаивала от человеческого присутствия: в забое было сыро, иногда ледяная вода поднималась до самых колен. Влага и холод пробирали до костей, кормили нас абы как, и только благодаря молодости и стремлению выжить мне удалось остаться в живых в этих нечеловеческих условиях.

«Такое испытание человек может выдержать только два года, – говорили бывалые зеки новичкам. – Потом вы превратитесь в “доходяг”, а через полгода вас вынесут из лагеря ногами вперед!» – стращали они нас.

В забое, или Страх № 2

Не одну суровую сибирскую зиму пришлось пережить мне в заключении. Иногда буран наметал столько снега, что поутру зеки не могли пройти до шахты. В такие дни перед строем пускали безногих калек (в лагерях встречались и такие). К нижней части тел им приматывали толстую сыромятную кожу или войлок, на руки надевали рукавицы. Опираясь на руки, инвалиды весом своего тела утрамбовывали снег, прокладывая тропы для заключенных.

Работа в забое была невероятно тяжелой, все время приходилось стоять в полумраке, согнувшись в три погибели, выдалбливать уголь из мерзлоты и затем закидывать породу в вагонетки вручную. Зеки, проводшие не один год в шахтах, рассказывали страшные байки об авариях, завалах, о погребенных заживо.

Но это не самое страшное, считали заключенные, что может приключиться. Самое страшное, говорили они, это остаться в забое одному, без помощи, без света. Зеки, повидавшие на своем веку все и вся, пережившие всевозможные ужасы, при одном упоминании об этом в один голос твердили: «Жуть! Жуть!»

* * *

В силу своей молодости и ответственности я выполнял работу с полной отдачей. Целыми днями я крушил кайлом твердую породу, а мои сотоварищи грузили добытый уголь в вагонетки. Однажды, увлекшись работой, из-за шума и грохота я не заметил, что смена уже закончилась и все покинули рабочие места. Только остановившись, чтобы перевести дух, я понял – забой пуст! Я стал громко аукать и звать людей... Видимо, смена ушла довольно далеко, в ответ – оглушительная тишина.

Меня охватил страх. Я постарался взять себя в руки, нужно было как можно быстрее покинуть забой и нагнать свою смену. Собрав пожитки, я бегом пустился в обратный путь. Теснота подземелья и оглушающая тишина давили со всех сторон. Единственным моим утешением была керосиновая лампа, которую я крепко сжимал в руке. Но через какое-то время свет лампы начал подрагивать, отбрасывая на стены причудливые тени. Липкий страх подкатил к самому горлу.

Подстегиваемый животным ужасом, я пытался, насколько можно, ускорить шаг. Изредка я прокашливался и покрикивал в никуда. Но когда в ответ зависла гнетущая тишина, становилось страшнее прежнего. В какой-то момент свет лампы лихорадочно заметался, а затем резко погас. Кромешная темнота тотчас обрушилась со всех сторон. Волна ужаса охватила каждую клетку, сковывая тело. Я почувствовал, как волосы на голове враз встали дыбом и зашевелились. Невозможно найти слов, чтобы точно описать мой ужас. В отчаянии я помахал рукой прямо перед лицом. И не увидел ни-че-го. Кажется, на какое-то время я даже потерял сознание или выпал из чувства реальности, точно не знаю. Думаю, что именно в такие вот моменты человек лишается рассудка и сходит с ума.

Не помню, сколько прошло времени, прежде чем я пришел в себя. «Во что бы то ни стало я должен выбраться наверх!» – приказал я себе и двинулся вперед. Теперь вся надежда была только на рельсы под ногами. Как можно аккуратнее ступал я по ним, стараясь нащупать каждую. Но и опасность таилась в них же. Я знал: стоит мне запнуться, упасть – мне не подняться уже никогда.

А кругом жуткая тишина. И только за спиной чувствую неведомую силу, которая неотступно и безмолвно преследует по пятам. Она, как магнитом,

тянет назад, заставляя оглянуться. Изо всех сил сжимая в руке лампу, напрягаясь, приказываю себе не оглядываться, двигаться и двигаться вперед. Иначе, я знаю это, страшное, неведомое поглотит меня в свою жуткую пасть, увлечет в гибельную пучину...

Не помню, сколько прошло времени, но вдали мелькнул едва уловимый свет. Из последних сил я попытался рвануть вперед. Но ноги подкашивались от напряжения, по всему телу растекалась предательская слабость. В какой-то момент свет стал усиливаться, я начал даже различать силуэты. Хотел было подать голос, но из пересохшего горла вырывался лишь слабый сип. Одно я знал точно, что уже избавился от неведомой силы, неотступно преследовавшей меня всю дорогу до самого подъемника.

Люди шумно обступили меня со всех сторон. Как оказалось, при подсчете заключенных перед подъемом на поверхность была обнаружена пропажа одного человека. Зная из опыта, что оставшиеся в забое очень быстро умирают от разрыва сердца, возвращаться за мною посчитали нецелесообразным и решили забрать труп на следующий день.

Бывалые урки, не скрывая своего восхищения, похлопывали меня по плечу: «Живой! Живой! Вот молодец! Сто лет жить будешь!..» А я был не в силах ни сказать что-либо, ни разжать сведенные судорогой пальцы, намертво впившиеся в потухшую керосиновую лампу...

Страх № 3

И третий свой страх я испытал там же, в Сибири, в исправительном лагере. Хоть тысячу раз назови лагерем, тюрьма – она и есть тюрьма, да еще и в военное время. Да еще и для политзаключенных, специально расселенных среди заядлых преступников. Наш удел – мучение и унижение. Лютый сибирский мороз, невыносимо тяжелая работа, скудный паек... Сумма таких обстоятельств превращала людей в расходный материал, смерть становилась неотъемлемой частью повседневной лагерной жизни. В таких условиях выживала только молодежь. Те, кому за тридцать, какими бы крепышами они ни казались, не выдерживали. Многие, очень многие остались в братских могилах Сибири.

Полярное лето короткое. Холода наступали скоро, земля промерзала быстро. Лагерное руководство, избегая лишних хлопот с выдалбливанием могил в вечной мерзлоте, общие похороны для всех усопших в течение года устраивало ближе к лету. А до этого покойников складировали в отдельном помещении, находящемся в стороне от бараков. Словно они могли сбежать, к трупам выставлялась охрана. На этом весь цинизм по отношению к усопшим не заканчивался: охранять трупы заставляли самих же заключенных.

Однажды очередь дошла и до меня...

В середине помещения стояла железная буржуйка. В обязанности дежурного входила охрана тел, сложенных почти до самого потолка вдоль четырех стен. Картина, конечно, не для слабонервных, но в комнату я вошел без страха. Сталкиваясь со смертью ежедневно, человек, оказывается, привыкает и к самой смерти, и к мертвым телам.

Прочитав молитву, провел ладонями по лицу: «Аминь!» и принялся обустриваться. Сложив аккуратной стопкой заготовленные заранее дрова, я вычистил золу и заново разжег огонь. Растопка печи не заняла много времени, огонь занялся

быстро, в комнате запахло хвоей. Покончив с рутинной работой, я приготовился к бдению в комнате, доверху забитой мертвыми телами.

Просидел я в глубокой задумчивости у печи довольно долго, наблюдая за бликами огня в топке, изредка поднимаясь, чтобы подбросить дрова. Вдруг послышался какой-то шорох. Я прислушался. Стояла мертвая тишина, лишь огонь легонько потрескивал в печи. Я успокоился, подумал: трещат дрова за спиной, оттаяв в прогретом помещении.

Перевалило за полночь. Меня разморило от тепла и начало клонить ко сну. Шорохи возобновились и стали активнее. Теперь я слышал их ясно. «Не может быть! – подумал я. – Здесь нет ни одной живой души, кроме меня. Ни человек, ни зверь не могут подобраться неслышно».

Я накинул на себя одежду и вышел из барака. На улице было морозно, снег под ногами скрипел при каждом шаге. Никого. Ни звука. Кругом темень. Снова страх стал закрадываться в сердце. Немного побродив, я вернулся на свой пост.

Присев на корточки перед печью, стал снова раскочегаривать топку. Буржуйка, как известно, быстро нагревается, моментально согревая помещение, но так же быстро и остывает. Я деловито принялся за работу...

Вдруг прямо за моей спиной послышался грохот. Тотчас кто-то неведомый заключил меня в свои ледяные объятия, чей-то холодный череп со всего маху въехал в затылок, а на моих плечах повисли чьи-то руки. Не знаю, как я не рухнул тут же замертво, охваченный ужасом. Сбросив с себя напавшего, я, как ошпаренный, выскочил в ночь... Только через некоторое время, отдышавшись и придя в себя, я осторожно вернулся в помещение.

Как оказалось, и в этот раз моя расторопность сыграла со мной злую шутку. Часто подкладывая огонь в топку, я чересчур сильно разогрел помещение, и горячий воздух собрался под потолком. Постепенно от высокой температуры верхний труп разморозился – он-то и «набросился» на меня сзади, соскользнув вниз...

Аксакал

Пережив немыслимые испытания, изнуренный непомерными трудностями, я внутренне готовил себя к тому, что мой час близок, и уже настраивался на худший исход.

Но, на мою удачу (и не только мою), на нашей шахте появился новый человек – Калиолла. Надо сказать, я повстречал много неординарных личностей в Сибири. Это был, без преувеличения, цвет казахской нации. Для сохранения и выживания сородичей в этих адских условиях Калиолла сделал многое: и возможное, и невозможное.

Калиолла не был зеком, он был так называемым вольнонаемным (или, на жаргоне заключенных, – «вольняшка»), прибывшим в Воркуту, уже не помню, по собственному ли желанию или же по «призыву» партии. Его назначили начальником смены на шахте. К лету 1945 года, когда он появился в лагере, я пробыл там полтора года. Едва заступив на работу, Калиолла начал собирать отовсюду осужденных казахов.

И хотя ему было всего-навсего 28 лет, мы все его называли аксакалом. Для нас, двадцатилетних, Калиолла и правда стал настоящим аксакалом: он сплотил нас всех вокруг себя, перевел на более легкую работу, да и питаться мы стали немного лучше.

«Хамза, ты ловок и проворен! Я переведу тебя на другую работу: будешь курьером, это намного легче, чем добыча угля в шахте!» – сказал он мне. И я стал разносить по шахтам корреспонденцию: письма, газеты, журналы, письменные распоряжения начальства. И других ребят наш аксакал перевел на менее тяжелую работу.

Казахи начали потихоньку набираться сил. Изредка Калиолла готовил мясо, излюбленное блюдо каждого казаха, и приглашал нас в гости. Благодаря этим посиделкам мы могли без страха, свободно общаться друг с другом, петь родные песни, и многим казахам удалось выжить в заключении.

Как-то Калиолла, пригласив меня к себе, дал поручение: «В 350 километрах от Воркуты есть город Хальмер-Ю. Говорят, туда на шахту поступил молодой казах. Я выдам тебе командировочные, поручаю тебе его проведать и узнать, как у него обстоят дела. Если понадобится, мы переведем его к себе». Снабдив меня пайком и необходимыми документами, он отправил меня в трехдневную командировку. В Хальмер-Ю я разыскал гурьевца (тогда город Атырау назывался Гурьев) по имени Байгали. Несмотря на то, что прибыл он в лагерь совсем недавно, его состояние было довольно плачевным. Не прошло и месяца, как Калиолла сумел вызвать его в Воркуту и определить на более легкую работу.

Вот таким образом наш аксакал Калиолла, на свой страх и риск, взял под опеку всех осужденных казахов в Воркуте. Наша признательность аксакалу была безмерна! Только благодаря ему, его смелости мы выжили в этом аду! Калиолла на правах старшего брата давал нам наставления и при каждом удобном случае не уставал повторять: *«Мы, казахи, малочисленный народ. Мы должны быть всегда едины, должны оберегать друг друга, заботиться друг о друге, помогать друг другу! Каждый казах должен быть другому казаху другом и братом! Если повезет и вы выйдете живыми из этого ада, ищите друг друга, всегда помните и не забывайте, мы – единокровные братья!»*

Мне уже перевалило за семьдесят, но я по сей день не перестаю удивляться уму и смелости, смекалке парня, которому не было еще и тридцати!..

Через два года наступила пора Калиолле возвращаться в Казахстан. Но до самого отъезда он прилагал максимум усилий для улучшения нашего состояния. Чтобы мы смогли выжить в оставшиеся сроки, каждого, насколько это было возможно, он перевел на щадящую работу. «Хамза, ты наиболее расторопный, деловитый, но вряд ли после моего ухода тебя оставят курьером. Боюсь, тебя опять отправят в забой. Поэтому я записал тебя в бригаду заготовителей. Работа тоже не из легких, но там тебе будет легче, чем в шахте», – сказал он мне.

К лету 1948 года, по окончании ледохода, группу из 20 зеков, в которой находился и я, отвезли к верховьям реки Печора. До наступления морозов мы должны были построить для себя деревянные дома и всю зиму заниматься в тайге заготовкой леса. До самого лета, до вскрытия реки и начала ледохода мы были обязаны валить лес, а по весне сплавливать плоты и бревна вниз по течению в город Нарьян-Мар.

Таким образом, благодаря заботе Калиоллы, теперь я работал «на лоне природы». Конечно, и здесь работа была не из легких, но меня радовало, что тут не было «блатных», которые бесконечно, бесчеловечно донимали политических. Костяк бригады состоял из русского мужицкого сословия: крепких мастеровых, ловко орудующих долотом и топором.

Провожая на новое место, Калиолла дал мне напутствие: «Хамза, где бы ты ни оказался в дальнейшем, учись! Учись всему, не переставая! Учись у русских всему, чем они владеют! Это не раз пригодится тебе в жизни!» И хоть я в жизни не держал в руке топора, благодаря мудрым наставлениям аксакала научился у мужиков плотническому, столярному, а затем и токарному ремеслу.

Я был легок на подъем, любознателен, пытлив, трудолюбив и вскоре завоевал доверие мужиков. Сначала они чурались меня. Не скрывая своего презрения, открыто возмущались: «И что может этот малец, смоленный как чугунок! И зачем только его приставили к нам?!» Но не прошло и месяца, как они стали называть меня «Камзун» и без страха доверяли мне любое дело. Спустя какое-то время я перенял у них все тонкости ремесла и стал настоящим мастером по дереву.

В бригаде собрались одни невинно осужденные, и у каждого была своя печальная история: среди нас были пострадавшие от анонимных доносов в 1937 году, узники немецких концлагерей, те, кто восстал против коллективизации и был осужден на долгий срок в 20 лет. Объединяла всех длительность срока заключения. Чтобы забыться, заглушить тоску по родным и дому, зеки полностью выкладывались на работе, выполняя план на 200, а то и на 300 процентов. Только благодаря этому лагерное начальство скостило всем, в том числе и мне, срок на один-два года...

* * *

Период с зимы 1942-1943-го папа провел в лагерях Воркуты и Хальмер-Ю и вернулся на родную землю лишь в начале 1952 года. После возвращения отец построил новый дом для своей сестры Секер. Вот тут-то и пригодились ему знания и умения, полученные в лагере. Кстати, тот дом сохранился и до сей поры, но живут в нем уже совершенно чужие люди.

Песни застенков

Песня – душа народа, она заложена в самой основе отношения человека с миром. Перебирая сердечные струны, она помогает установить контакт со своими корнями, утверждает когнитивист Стивен Пинкер. И, видимо, чувствуя это подсудно, как бы система ни старалась выбить из заключенных всё людское, зеки, даже в самых жутких условиях, старались не терять человеческого облика. И они пели. Если не могли петь громко, напевали тихо, вполголоса, если не удавалось напевать, беззвучно шептали слова песен...

– Однажды на Воркуту опустился аномальный мороз в 70 градусов, – вспоминал отец. – Стояла такая леденящая стужа, что вековые сосны и пихты с треском разрывало на месте. Как бы мы ни пытались кутаться, мороз перехватывал дыхание, склеивал ноздри, проникал вовнутрь, прожигая бронхи и легкие. Ресницы в считанные секунды покрывались мохнатым инеем, мороз разъедал оболочку глаз.

В такие дни лагерное начальство отменяло все работы. Заключенные, привыкшие от зари до заката трудиться не покладая рук, выполнив немудреные личные работы, заскучали. Не помню, кто именно, но один из заключенных предложил организовать в бараке песенный конкурс. В лагере каждый шаг зека контролируется начальством, и в тот раз руководство, находясь под парами спирта, было настроено благодушно и разрешило провести конкурс.

После небольшой подготовки песенный конкурс начался! Видимо, чтобы отдать дань уважения Верховному главнокомандующему (Сталину), выступить первыми было предложено грузинам. Высоким голосом парень с Кавказа затянул народную грузинскую песню. Земляки подхватили его на верхней ноте, и мелодия рассыпалась многоголосицей. Может, из-за того, что песня не была отрепетирована должным образом, она не произвела на меня, да и на остальных слушателей, особого впечатления. Исполнение сопровождали вежливыми аплодисментами.

Следующим номером шла «Бродяга», русская народная песня, зародившаяся лет двести назад на каторгах Сибири. Чистым, звонким голосом затянул молодой зек старинную песню. Присутствующие разом замолкли. Хотя и прошло несколько веков, а песня звучала свежо, созвучно судьбе каждого слушателя. Все те же страдания, та же неизбывная тоска – песня описывала без прикрас участь каждого осужденного...

* * *

Видимо, и самому отцу эта песня была по душе. Прервав свой рассказ, неожиданно для меня папа запел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.
Бежал из тюрьмы темной ночью,
В тюрьме он за правду страдал.
Идти дальше нет уже мочи –
Пред ним расстился Байкал...

Сколько себя помню, у папы был красивый тенор. Пел он с душой, его сильный голос, искусная манера исполнения песен невольно завораживала. Я даже не могу себе представить, каким был его голос в пору молодости!

Когда очередь дошла до папы, он спел народную песню «Суржекей», требующую от исполнителя большого мастерства и широкого диапазона голоса. И, как рассказывал папа, уголовники, не понимая ни слова, прослушали песню, затаив дыхание. А песня была о широких просторах, по которым неслись лихой степняк на сером иноходце. В ней пелось о вольном ветре, о радости бытия!

В результате конкурса «судьи» и слушатели единогласно присудили папе первое место.

* * *

– Эх, скольких талантливых, неординарных, грамотных людей, искренне любящих свой народ, родную землю, настоящих патриотов я встречал на зоне... – вспоминал отец. – В лагере отбывали сроки сородичи со всех уголков Казахстана. Многие из них не вернулись на Родину, но их лица до сих пор стоят перед моими глазами. К великому сожалению, в лагере нам не часто удавалось общаться друг с другом. Стоило только собраться вместе, конвоиры тут же разгоняли всех прикладами, обвиняя в подготовке смуты. Мы в страхе расходились, зная, что охране ничего не стоило отправить любого из нас в расход.

Потому что часто бывали свидетелями того, как изнуренных тяжелой работой, доведенных до крайнего истощения зеков просто-напросто пристреливали за ненадобностью.

Был среди нас молодой казах из средней полосы Казахстана, так называемой Золотой степи – Сары-Арқи. Был он человеком тонкой организации души, виртуозным певцом, страстно любившим народные песни. Он часто приходил ко мне, делился своими сокровенными мыслями, чувствами. Однажды после отбоя он прилег возле меня. Я заметил, что мой друг очень угнетен.

– Хамза, я сильно истосковался по родным, по дому. Я очень болен. Как ни пытаюсь крепиться, веришь ли, еле передвигаю ноги. Видимо, не судьба мне вернуться на Родину и свидеться с родными... – сказал он мне.

– Перестань, война уже закончилась, грядут перемены к лучшему, не отчаивайся! – ответил я, пытаюсь хоть как-то взбодрить и утешить его.

Он сокрушенно покачал головой:

– Вряд ли! Чувствую, совсем близок мой конец. А хочешь, я спою тебе? Мне кажется, именно эта песня наиболее точно передает наше нынешнее состояние, всю эту собачью жизнь. Я спою тебе «Каркаралы» Мади. Послушай внимательно, может стать, это будет последней песней в моей жизни!

И он запел:

Будь благословен мой край, Каркаралы,
 Твои спутники – тучи, мои же – печаль.
 На просторах сайгаки приют свой нашли,
 Лишь один я в изгнании, мне неведом покой.
 Молодой был я порослью на скале Ушкары,
 Изумрудною зеленью взрос на лугах.
 Будь как все, не была бы такою печаль,
 Но один я остался в роду, как ни жаль!
 Находился аул у истока Талды,
 И сородичи, верно, уже на джайляу.
 Край родной, связан я пуповиной с тобой,
 Вспомнишь ли, если что-то случится со мной...

Едва он закончил петь, как в комнату ворвались взбешенные конвоиры. С криками: «Вражина, задумал сеять смуту!» – они поволокли его на улицу. Что мы могли поделать против вооруженной охраны? Понуро, не смея глянуть друг другу в глаза, мы остались стоять у своих нар... На улице раздался выстрел. Печаль разрывала моё сердце. Аллаху акбар! Я скорбно провел ладонями по щекам.

Так мы лишились и песен, которые напевали изредка, вполголоса...

Развлечения

Аномальная стужа не спадала несколько дней. Бывалые зеки рассказывали о сибирских морозах невероятные вещи. «Вот те крест!» – говорили они тем, кто выражал недоверие, и истово крестились. Подогреваемый любопытством и в силу молодости, я решил проверить правоту их слов.

Мне удалось уговорить еще одного любопытствующего товарища, и мы, собрав всю, какую было можно, теплую одежду, скрываясь от охраны, потихоньку

выбрались из барака. Кругом стояла пронзительная тишина, лишь изредка раздавался треск разрываемой морозом древесины и странный, еле уловимый стон мерзлого металла. Мороз прожигал не только легкие, казалось, он проникал до самых кишок.

Памятуя, что на лютом морозе нам долго не выдержать, торопливо стали готовиться к своему эксперименту. Выхватив заранее заготовленные куски железа, мы стали бить ими по рельсам вагонетки. Вот так дела! Металл при ударе рассыпался словно стекло, на тысячи осколков, будто это было и не железо! Жуткий мороз пробирал до мозга костей и не дал нам вволю насладиться чудным зрелищем. Все еще не веря собственным глазам, мы поспешили обратно в барак.

* * *

Хлеба и зрелищ – panem et circenses! Еще классик сатиры Ювенал сообщал, что во времена императора Августа римские плебеи постоянно требовали хлеба и пышных цирковых зрелищ и не успокаивались, пока им не давали вволю и того, и другого.

«Советский народ хотел только хлеба и зрелищ, разврат уничтожил все нравственные устои российского населения, а террор истребил его здоровую часть» (В. М. Живов. Наука выживания и выживание науки. – Журнал «Новое литературное обозрение» за 2005 г.).

Сытым, в отличие от осужденных, конвоирам тоже были нужны развлечения, и их души так же требовали зрелищ в сибирской глухомани. И с молчаливого согласия начальства они восполняли свои потребности посредством изоциренных издевательств над заключенными.

В лагере у Печоры, где бригада зеков занималась лесозаготовкой, порядки были жесткими. После раннего подъема и скудного завтрака зеков загоняли на новую делянку, где заключенные допоздна занимались заготовкой леса. Границы делянки обозначались натянутым арканом, на который навешивались красные флажки. По периметру и по углам участка находилась вооруженная охрана. Шаг за пределы делянки считался попыткой побега, и в осужденных стреляли без всякого предупреждения.

Едва ступив на отведенную делянку, заключенные принимались за привычную работу. До наступления темноты нужно было очистить отведенный участок, сваленные деревья освободить от веток и сучьев, порезать на бревна определенной длины и, волоком стащив в отведенное место на краю делянки, аккуратно сложить в штабеля, чтобы бревна не рассыпались. С виду простая и рутинная работа была травмоопасна от начала до самого конца, требовала определенной сноровки и слаженности. Бригада работала не покладая рук, споро, работа шла на автомате, без простоев и сбоев.

А конвоиры, изнывая от безделья, занимались придумыванием развлечений. Однажды они решили устроить между собой соревнование в меткости. И началась пальба! Но вскоре им наскучило стрелять в белый свет как в копеечку, и они решили поупражняться в стрельбе по живой мишени. Правила были просты: кто первым поразит наповал заключенного, ступившего за пределы зоны, тот и победитель. Задача состояла лишь в том, как выманить зека за флажки.

Зная, что будет застрелен сразу же, едва переступит границу делянки, никто добровольно не станет покидать безопасную зону. Один из охранников пошел на

хитрость: закинул свой кисет с табаком за флажки и потребовал у заключенного достать ему вещь.

«Жапалакты таспен ұрса да жапалақ өледі, жапалакты тасқа ұрса да жапалақ өледі» – «Ударь сову камнем – умрет сова, ударь совой об камень – все равно умрет сова» – гласит казахская поговорка. Несчастный, на которого пал выбор конвоира, в надежде как-нибудь выжить, бросился за кисетом, и... посыпался град пуль. Охрана изрешетила бедолагу на глазах у остальных заключенных.

Кошке игрушки – мышке слезки.

Сила молитвы

Несмотря на суровые испытания, выпавшие на долю отца, его вера в Аллаха была непоколебима. Наш дед Алим был грамотным человеком. Он получил духовное образование, был муллой, обучал детей и взрослых грамоте. Поэтому веру в бога папа впитал еще в раннем детстве, можно сказать, с молоком матери. «Балам, когда я покину этот мир, хоть изредка читай суры из Корана и поминай меня. Невероятную силу молитвы я испытал на себе уже при жизни!» – говорил мне папа.

Едва папу арестовали, сотрудники НКВД провели обыск в доме сестры Секер, и забрали все его личные вещи: книги, тетради, записи. На расспросы сестры не отвечали, не получила она ответ и на свои многочисленные запросы в органы. Посчитав, что папы уже нет в живых, через какое-то время зять отца – мулла Садык зарезал козу и дал поминальный обед. И с того момента Садык-ата стал читать суры из священного Корана, совершая молитвы во спасение души.

Вначале, видимо, разрешения на переписку у папы не было, а затем, отчаявшись выжить в нечеловеческих условиях зоны, он уже сам не стал писать домой письма. «Зачем вселять напрасно надежду? Зачем заставлять сестру страдать дважды?» – думал он.

Холод, голод, изнуряющая работа. Лагерной баланды и куска хлеба едва хватало для поддержания жизни в теле. Все мысли голодных, истощенных заключенных были только о еде, они ели все, что можно было проглотить, рыскали по помойкам в поисках пищи.

Отец рассказывал:

– Удивительно, а мне вовсе не хотелось есть. Иногда зеки отбирали мою пайку хлеба, и, как ни странно, я даже не сопротивлялся. Я жил в каком-то оцепенении, словно пребывая в другой реальности. Едва моя голова касалась подушки, я тут же засыпал. И всю ночь, до самого утра, в моих ушах стояло едва слышное блеяние козы.

Для соседей по нарам мое поведение было непонятно. «Почему его не мучает голод? Почему он не ищет еды?» – задавались они вопросом и не раз устраивали шмон, перебирая мои немудреные пожитки. «Этот малец не промах. Видимо, он втихаря промышляет на складе или у него где-то есть схрон!» – говорили они, пытаясь выслеживать меня. Много дней подряд они следовали за мной буквально по пятам в поисках тайника. Лишь убедившись, что я не промышляю воровством и склада с припасами у меня нет, они оставили меня в покое.

Прошло время, окончилась война и наступили, хоть и незначительные, перемены к лучшему. И папа написал письмо родным. Получив известие о том, что он жив, родные обрадовались и перестали поминать его в молитвах.

– Как только перестали меня поминать, прекратилось и бляение козы по ночам. Во мне проснулся зверский голод. За пайку, которую я раньше мог с легкостью отдать, теперь я готов был перегрызть горло любому. Голод стал моим постоянным спутником, он сопровождал меня и днем, и ночью... Вот так-то, балам! Коза, принесенная в жертву, и молитвы родных стали моей духовной пищей, питавшей меня на протяжении многих лет. И молитвы зятя Садыка помогли мне выжить в те тяжелые времена...

Памятуя о просьбе папы, я выучила суры из священного Корана. Увы, список близких, которых нужно помянуть в молитве, с каждым годом все увеличивается...

На волю

– В начале 1952 года меня досрочно освободили из лагеря и вручили билет по маршруту «Воркута – станция Шамалган», – рассказывал отец. – Спустя десять дней в девять часов утра я достиг станции назначения. Ожидая попутку до аула, завернул в крохотный привокзальный магазинчик. Из писем сестры я знал, что она взяла на воспитание девочку – Карлыгаш, и решил купить гостинцев своей племяннице.

За мной зашли двое молодых парней, они сразу стали бесцеремонно разглядывать меня. Я отвернулся. Но они и не думали уходить. Один из них, немного помявшись, спросил напрямик: «Ты ведь Хамза?!» Я утвердительно кивнул головой. Они метнулись к двери. Мелькнула мысль: узнали, хотят донести на меня в НКВД!

Сердце бешено заколотилось... Неужто я не смогу увидеть родных, когда аул уже так близок? На мое счастье, вскоре мне подвернулась санная подвода до Каргалы. Укутав ноги одеялом, которое дал мне кучер, я разместился на заднем сидении.

Вот уже проехали Касымбек. Чем ближе к аулу, тем чаще попадаются знакомые, памятные сердцу места. Вот в этой лощине праздновали Первомай в 1931 году, и отец, посадив на стригунка, взял меня с собой на праздник. А вот на этом холме стояла наша юрта на осеннем пастбище...

Бог ты мой! Прошло уже 11 лет, как я покинул родные места! Слезы застилали глаза, утренний мороз пощипывал мне щеки...

Мы доехали да дороги Алпысбая (там сейчас находится лента трассы «Алматы – Ташкент»), до аула оставалось еще четыре или пять километров. Проехали поворот и... что это? Передо мной колыхалось людское море бегущих навстречу аулчан, вышедших встречать меня. С гиканьем скачет молодежь на быстрых конях, а впереди, обгоняя конных, мчится навстречу мне сестра, вся грудь ее залита слезами...

Те двое, которых я повстречал на станции, оказались аулчанами. Убедившись, что я есть тот самый Хамза, они помчались к моей сестре Секер, дабы получить суюнши – вознаграждение за благую весть. Они ворвались в дом с криками: «Суюнши! Суюнши! Воскрес из мертвых твой брат, нашлась твоя потеря, Секер! Видели его своими глазами, возвращается твой Хамза живым и невредимым!» Сестра дважды пыталась вскочить с места, и каждый раз ее ноги подкашивались: «Берите, берите все, что пожелаете!» Птицей метнулась она к двери и вихрем полетела навстречу брату. А всадники понеслись дальше, разнося по аулу радостную весть.

ПОРАЖЕНИЕ В ПРАВАХ

В приговоре, вынесенном папе военным трибуналом 8 февраля 1943 года, помимо срока отбывания наказания в колонии, было указано: «С поражением в правах на пять лет».

«Википедия» дает определение: «Поражение в правах – наказание... <человека> лишают каких-то личных, гражданских и политических прав...» Человек не просто должен отсидеть и выжить, но и пережить свое практически бесправное положение в течение срока, зачастую превышающего срок отсидки. «Высшая форма ограничения прав личности – это фикция юридической смерти преступника, встречавшаяся в римском, германском и древнеславянском праве. Лицо, совершившее тяжкое преступление, становилось чужим для общества. Такой человек не мог отправлять религиозные обряды, он был отлучен от общения с другими людьми, лишен возможности делить с ними кров и пищу (*aquae et ignis interdictio*). Он ставил себя вне закона, лишался охраны государства. Подобно дикому зверю, преступник мог сделаться добычей каждого; как существо бесправное, он подлежал “потоку и разграблению”. Мало того, община нередко обещала прощение лишенному мира, если он убьет несколько подобных ему, назначала плату за их головы и т. п.»

Я часто задумываюсь о доносе, который круто изменил жизнь отца, – не будь его, как бы сложилась судьба нашего папы? Незаурядная личность, талантливый, деятельный, пытливый, с огромной жадной жизни, человек несгибаемой воли – какова была бы его жизнь? Каких высот смог бы достигнуть наш отец? Пройдя все круги ада, какой силой духа нужно было обладать, чтобы выстоять, выжить, не изменить себе и оставить после себя яркий след?!

Но, увы, история не терпит сослагательного наклонения.

* * *

Еще будучи ребенком, я ощущала, что наш папа живет под каким-то невидимым гнетом и не может распрямиться в полный рост. Клеймо политически неблагонадежного, поражение в правах преследовали его не пять лет, как было указано в приговоре, он был поражен в своих правах на свободу существования на всю оставшуюся жизнь!

Отец не любил рассказывать о том, как отбывал срок в исправительных лагерях. Воспоминания, конечно, были не из приятных. Только иной раз, и то к слову, он нехотя делился с нами эпизодами прошлой жизни.

Собирая, анализируя материал для записи воспоминаний об отце, я сделала вывод, что каждый прожитый папой день был настоящим гражданским подвигом. Поняла, как нелегко приходится жить неординарному человеку в обществе, мириться с системой. Папа всегда сторонился посиделок, пустопорожней болтовни и пьяных застолий. Это не проходило для него даром: будучи осведомленными о прошлом отца и не смея сказать об этом ему в лицо, многие пытались нанести удар исподтишка, по самому больному месту. Мы чувствовали бессилие сильного, волевого человека против подобных выпадов, и было невыносимо больно видеть, как тяжело страдает от этого сам папа.

Поселковый люд пил много, причиной тому была двойная линия морали того времени. Власть, с одной стороны, как бы боролась с пьянством, но, не сумев обе-

спечить народу достойную жизнь, понимая, что пьяным народом легче управлять, не противилась поголовной алкоголизации населения.

Хорошо помню, что в дни получки и праздников на улицах было множество пьяных, совершенно потерявших человеческий облик. Существовала традиция «строить», скинуться втроем по рублю – бутылка водки стоила три рубля с копейками – и «обмыть» зарплату. Папа категорически отказывался от участия в таких «традициях». И конечно же, многим это было не по нраву.

Помню, как-то сверстник, который приходился отцу родственником (их генеалогическое древо пересекалось в четвертом поколении, а у казахов до седьмого колена по мужской линии и до пятого по материнской все считаются родственниками) и которого он считал близким человеком, в присутствии людей брякнул, что Хамза, дескать, провел часть своей жизни в местах не столь отдаленных. На что один из присутствующих дал достойный ответ: «Ол да бір “Ат жақсысы көрмеде, ер жақсысы түрмеде” деген мақал шыққан заман емес пе еді? – Разве это не в те времена, когда появилась поговорка, гласящая: “Лучших скакунов ищи на выставках, а лучших из мужчин – по тюрьмам”?»

Мечта Ажмата, или Страх № 4

Наш младший брат Ажмат, так называемый поскребыш, добрый и ласковый, был баловнем всей семьи. До тех пор, пока дело не коснулось его самой сокровенной мечты, мы и не догадывались, какая сила духа была заложена во всеобщем нашем любимце.

Большой романтик, в детстве он перебрал для себя не одну профессию. Как-то, завидев огромную красную машину, которая, отчаянно сигналив, мчалась, поднимая тучи пыли, он, завороченный редким зрелищем, заявил нам: «Когда вырасту, стану пожарным, и буду носить шлем, сверкающий на солнце!»

Или, наблюдая за стариком, день-деньской торговавшим неподалеку от нашего дома семечками, круто менял свое мнение и хотел стать торговцем, чтобы целыми днями, от души, лузгать свой товар.

А вот когда и почему он решил стать офицером, неизвестно. Но именно это его решение и оказалось судьбоносным. А может, его подстегнул тот случай с сочинением по литературе?..

Как-то классе в шестом учительница дала ученикам задание написать сочинение на тему «Моя мечта». Ажмат с большим усердием и воодушевлением засел за сочинение: написал, что мечтает стать офицером, быть на страже Родины, верой и правдой служить Отечеству... Ажмат был искренен в своих откровениях, ведь он делился со всеми самой сокровенной своей мечтой...

Неоднократно перепроверив сочинение, сдал учителю и с нетерпением стал ждать оглашения результата. Он был уверен, что сочинение назовут в числе лучших и, как это было принято, зачитают перед всем классом. Конечно, он рассчитывал и на хорошую отметку.

Наступил долгожданный день. Тетради лежали аккуратной стопкой на учительском столе. По заведенному порядку вначале объявили имена тех, кто получил отличные отметки. Брат был огорочен: его работа не была названа. «Может быть, я пропустил ошибку?» – подумал он.

Но и в числе тех, кто получил оценку «хорошо», он не был назван. Он совсем приуныл. Затем перечислили имена написавших сочинение слабо и уж совсем

плохо. Брата не отметили ни разу. «Видимо, она забыла мое сочинение дома», – подумал Ажмат.

Но вот на столе осталась одна-единственная тетрадь. Он узнал ее сразу! Учительница подняла тетрадь над головой. Обведя класс взглядом, с презрением продемонстрировала всем сочинение, размашисто перечеркнутое крест-накрест красными чернилами.

– Алимов, единица!

Ажмат вскочил, как ужаленный:

– Почему?!

– Сядь на место! – попыталась она осадить его. – Сочинение не соответствует теме! Ты написал не о своей мечте, ты описал свои фантазии!

Задыхаясь от возмущения, Ажмат бросил ей в лицо:

– И все равно я стану офицером! – и пулей выскочил из класса.

Будучи уже взрослым, он со смехом вспомнил тот случай: «В тот момент, конечно, мне было невыносимо больно, что она попыталась унижить меня перед друзьями, а сейчас я даже благодарен ей. Видимо, апай знала, что мой отец был судим, потому-то и возмутило ее мое сочинение. Если бы не она, может, я не был бы так упорен в достижении своей цели. После того случая моя мечта превратилась в мою цель. Я сказал себе: во что бы то ни стало я должен воплотить мечту в реальность. Я стану офицером!»

Однако путь Ажмата к достижению цели не был усыпан розами. Во времена, когда еще не существовал Google, с завидным упорством он начал искать информацию о военных учебных заведениях и, основательно проанализировав весь материал, остановил свой выбор на Свердловском Суворовском училище, куда принимали на учебу с восьмого класса. Ажмат настойчиво шел к заветной цели: вел переписку с руководством училища, готовился к вступительным экзаменам и сдаче норм физподготовки.

Снарядов для занятий спортом как таковых в поселке не было, но папа и тут нашел выход: он собственноручно изготовил для сына турник. Перед домом росли высокие пирамидальные тополя, эти стройные красавцы и послужили основанием для снаряда. Между деревьями, на высоте вытянутой руки, папа основательно, чтобы никто не умыкнул нужную в хозяйстве вещь, прикрепил новехонький лом.

Турник, до блеска отполированный руками брата, долго служил верой и правдой. Не только Ажмат, многие пытались воспользоваться доступным снарядом: день-деньской мы наблюдали за попытками прохожих подтянуться разок, а соседские ребята устраивали шумные соревнования. А брат системно занимался физподготовкой. И добился-таки своего: вскоре он свободно выполнял сложные упражнения, а позже легко крутил и «солнце» на перекладине.

Наконец настало время поступления в «Суворовку». Ажмат без усилий сдал экзамены, физподготовку и... из-за хронической ангины не прошел врачебную комиссию. Он был страшно огорчен, но не опустил рук.

Он поставил перед собой новую цель: поступить во Львовское высшее военное-политическое училище, и с новым рвением взялся за подготовку. Конечно, в ЛВВПУ требования были выше, чем в Суворовском училище, но Ажмат не знал одного – для принятия в ряды курсантов каждый кандидат должен был пройти строгую приемную комиссию, тщательную проверку КГБ.

Снова страх поселился в душе отца, он знал не понаслышке, что означает в анкете пункт о судимости, какие ограничения он накладывает на осужденного и его ближайших родственников. Он очень боялся, что сын не сможет поступить в училище, тем более в военно-политическое.

Отец молча наблюдал за происходящим, и никто не догадывался, какая буря бушует в его душе, ведь тень прошлого мрачной тучей нависла над мечтой его любимца. Как ни пытайся, но скрыть факт судимости из биографии невозможно и папа переживал, зная, сколько душевных сил и энергии потратил его младший сын, чтобы поступить в училище.

А Ажмат настойчиво шел к заветной цели. К концу последнего учебного года он подал заявление на поступление в ЛВВПУ в районный военный комиссариат. И опять повторилась история с медкомиссией: его признали негодным к военной службе из-за ангины.

Но юношу, мечтавшего стать офицером, это не смогло остановить. За пару месяцев до выпускных экзаменов он лег в больницу и удалил гланды.

На повторной медицинской комиссии Ажмат был признан годным к службе, и ему дали допуск для поступления в училище. Радости брата не было границ, и один только папа знал, что после районной предстоит областная, затем республиканская комиссия и более тщательная проверка во всесоюзном КГБ.

Одному Богу известно, что помогло Ажмату беспрепятственно пройти все комиссии и проверки военкоматов и Комитета: его неистовое желание стать офицером или молчаливые молитвы папы?! Брат блистательно сдал все вступительные экзамены и поступил-таки в выбранное училище! И верой и правдой, с честью и достоинством служил в вооруженных силах до отставки.

Как позже признался нам папа, это был самый большой страх в его жизни – страх сломать, искалечить судьбу сына, страх, что его судимость помешает сыну воплотить в жизнь свою заветную мечту, к которой он шел с завидным упорством и целеустремленностью...

БАЙРАК

Скоропостижная смерть нашей мамы в 1989 году сильно подкосила папу. Человек сильный, независимый, папа стал предаваться унынию, все чаще болел. Он замыкался в себе и подолгу проводил в уединении время. Спасение от душевной боли он искал у врачей, но, увы, они не научились залечивать сердечные раны.

Спустя полгода после ухода мамы, в апреле 1990 года, Верховный Совет учредил должность президента республики. Папа всегда всей душой болел за судьбу своего народа, и это вернуло его в реальность, ему было небезразлично, в чьи руки вверят высшую власть. Он часто обсуждал животрепещущую тему и делился с нами своими мыслями: «Нужно искать претендентов на пост правителя, то бишь президента, среди потомков казахских ханов, остались еще в живых достойные отпрыски хана Уали и Касым-хана», – говорил он. И в доказательство своих слов, как всегда, приводил поговорку: «Қарадан хан сайлама, қарны тоймайды. – Не выбирайте правителя из черни, он никогда не насытит свое брюхо». Мы только посмеивались над словами папы.

1 декабря в стране состоялись первые всенародные выборы президента. Единственный кандидат на пост главы государства Нурсултан Назарбаев получил

98,78 % голосов. А 10 декабря был подписан закон о переименовании Казахской Республики в Республику Казахстан.

16 декабря 1991 года Казахстан был объявлен независимым государством. Как был рад наш папа этому, не передать словами! Он воспрял духом, наконец-то была воплощена в жизнь вековая мечта казахов о жизни в независимом и суверенном государстве!

Шел 1992 год, папе было почти семьдесят, когда объявили конкурс на создание государственных символов независимой республики. Для рассмотрения конкурсных работ была организована комиссия из представителей Верховного Совета и деятелей культуры. На телевизионном экране ежедневно мелькали сотни эскизов государственного флага. Папа, забыв о своих многочисленных болезнях, не отходил от телевизора ни на шаг. Он сокрушенно качал головой при виде очередного варианта, неодобрительно отзываясь о каждой работе.

Однажды я сказала:

– Папа, ну что Вы так мучаете себя из-за флага, какая Вам разница, каким он будет?

– Для тюрков, особенно для казахов, байрақ – знамя имеет огромное духовное, сакральное значение, балам. Для воина-кочевника поднятие, водружение, ношение знамени было важным моментом. Даже в мирное время наши предки с большим почтением относились к флагу, хранили его как зеницу ока, в специально предназначенной юрте, где оно тщательно охранялось, и вынимали знамя только перед походами.

Знаменосцев назначали из числа всеми признанных, уважаемых султанов и батыров. Утеря знамени приравнивалась к поражению в бою. Считалось, что в знамени заключается сила войска, святость и покровительство аруахов – духов предков. Воинский стяг вдохновлял воинов на ратные подвиги. Недаром на воинских стягах древних Көк түрік – Небесных тюрков изображали свирепого волка – символ отваги и непобедимости. «Бөрілі байрақ» – стяг с волком почитался кочевниками как оберег, хранитель народа.

После некоторого молчания папа продолжил:

– Балам, наши предки придавали огромное значение и форме, и цвету флага. Если знамя пестрое, многоцветное – не будет единства в народе, считали они. Одноцветный же будет служить единению, сплочению народа. Бесчисленные испытания выпали на долю казахов, еще немного – и лишились бы мы родного языка, а с утерей языка казахи исчезли бы и с лица земли как нация.

Слава Аллаху, мы обрели независимость, стали суверенным государством. Поэтому для меня важно, будет ли наш стяг соответствовать верованиям и мудрости предков. Не знаю, сколько времени мне еще отпущено, и прежде чем я присоединюсь к своим предкам, хотел бы убедиться, что новое знамя отражает все чаяния моего многострадального народа. Вот почему не нахожу я себе места, ни один из предлагаемых вариантов не греет мне душу. Так-то, балам...

4 июня 1992 года после всестороннего обсуждения Верховный Совет объявил о принятии окончательного варианта государственного флага.

Радости папы не было предела!

На голубом экране гордо реял флаг цвета Небесных тюрков, на Вечном Небе сияло золотое Солнце – знак процветания, и степной беркут, широко раскинувший в полете крылья, гордо парил в голубом небе!

Папа ушел из жизни спустя три с половиной года, 16 февраля 1995 года, воочию убедившись, что байрак – новый стяг независимого Казахстана соответствует его ожиданиям и верованиям предков.

* * *

...Ничто не в силах остановить неумолимый бег времени. И никто не сможет повернуть время вспять. Считаю, что наша задача, задача старшего поколения, – донести до потомков всю суровую правду о прошлом без прикрас. Мы обязаны помнить, никогда не должны забывать, сколько было пролито крови и слез, какую нечеловеческую цену заплатил казахский народ во имя продолжения жизни. Мы должны помнить имена жертв, каждого, поименно.

Новое поколение, новая волна, мы завещаем вам помнить и свято хранить память об ушедших!

Это наш завет вам, АМАНАТ!

Маруана Хамзақызы родилась в поселке Фабричный (ныне Каргалы) Алматинской области. Окончила филологический факультет Жетысуского государственного университета. Творческий путь начала с издания сказок и эссе в журналах «Балдырған», «Гүлстан», а затем в республиканских изданиях «Атамекен», «Жетісу», «Қазақстан-Затан», «Егемен Қазақстан», журнале «Жалын». Рассказы и эссе написаны на казахском и русском языках, переведены на турецкий, азербайджанский, уйгурский. В 2016 году вышла в свет книга «Я не могу без тебя» на русском языке, а в 2017 году в Баку «Yovsan ətri» – на азербайджанском. В 2021 году издана книга воспоминаний на казахском «Қайран әкем». Рассказы издавались в турецких изданиях «Maktub adebiat», «Guncel sanat». Рассказ «Sənsiz olmaz» включен в антологию азербайджанской прозы.

В 2014 году стала победителем конкурса «От сердца – к сердцу». Номинант национальной литературной премии «Писатель года России» в 2017 и 2020 годах. В 2021 году за вклад в развитие русской литературы награждена медалью «Иван Бунин 150 лет». Член Союза писателей Казахстана. Общественная деятельность: член гильдии ECG (London), общества «Турк дүниәсы», Евразийской федерации литературы и культуры (ASKEF) (Турция), Комитета азербайджанских женщин в Казахстане.

